

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

На правах рукописи

Захарова Олеся Викторовна

**АНАЛИЗ АРГУМЕНТАЦИОННЫХ СХЕМ (ТОПОСОВ) ПРЕЗИДЕНТСКОЙ
ПОВЕСТКИ ДНЯ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В ЕЖЕГОДНЫХ ПОСЛАНИЯХ ФС
РФ (2000-2017 гг.)**

РЕЗЮМЕ ДИССЕРТАЦИИ
на соискание ученой степени
кандидата политических наук НИУ ВШЭ

Научный руководитель:
доктор политических наук
Марк Юрьевич Урнов

Москва – 2019

Описание замысла исследования

Постановка исследовательской проблемы и степень ее разработанности

В связи с возрастающей значимостью института президентской власти все более актуальным становится исследование формирования президентской повестки дня. Работы в этой сфере осуществляются по нескольким основным направлениям: изучение влияния различных факторов и субъектов на формирование президентской повестки, анализ роли президента в установлении повестки дня и механизмов, используемых им для ее продвижения. В последнем случае используются преимущественно качественные методы исследования. Дж. Куминс (J. Cummins), например, анализирует послания американских президентов на предмет их внимания к определенным темам в дискурсе Президента и Сената¹. К. Карусон, В.А. Фаррар-Майерс исследуют факторы, используемые президентом для продвижения своей внешнеполитической повестки². Дж. Рекс, применяя риторическую модель президентства, изучает влияние президента на формирование и продвижение военной повестки³.

Вместе с тем большая часть упомянутых работ посвящена анализу установления президентской повестки в демократических режимах, тогда как изучению данного процесса в условиях политического транзита уделено значительно меньше внимания, несмотря на актуальность этой темы. В отечественной науке данный вопрос наиболее активно исследуется филологами. Большинство из таких работ описывают риторический стиль президента, особенности президентского дискурса и его жанров⁴, тогда как контекст и социально-политическое содержание президентской повестки остаются за рамками таких исследований.

В настоящей диссертации мы предлагаем обратить внимание на права человека в президентской повестке дня и механизмы ее формирования и трансформации. Права человека являются центральным элементом современных дебатов о легитимности власти, поэтому характер их представленности и репрезентации в президентской повестке имеет

---

¹ Cummins J. The Partisan Considerations of the President's Agenda // Polity. 2010. Vol. 42. №3. P. 398-422.

² Caruson K., Farrar-Myers V.A. Promoting the President's Foreign Policy Agenda: Presidential Use of Executive Agreements as Policy Vehicles // Policy Research Quarterly. 2007. Vol. 60. №4. P. 631-644.

³ Rex J. The President's War Agenda: A Rhetorical View // Presidential Studies Quarterly. 2011. Vol. 41. №1. P. 93-118.

⁴ См., например, Гаврилова М.В. Некоторые черты речевого портрета первого президента России Б. Н. Ельцина // Политическая лингвистика. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2012. №4 (42). С. 17-22; Гаврилова М.В. Дискурсивный портрет В.В. Путина // Дискурс-Пи. Екатеринбург: ИФиП УрО РАН, 2013. №3. С.114-115; Худяков А.В. Лингвокогнитивные особенности президентского дискурса конца XX-XXI веков: на материале дискурсов президентов России и Франции: дис. ... канд. филол. наук. Москва: Московский государственный областной университет, 2019.

большое значение для понимания взаимоотношений власти и индивида и характера происходящих политических изменений.

Как показал опыт многих стран, включая Россию, падение коммунизма вовсе не обязательно означает переход к западной демократии. Проблема в том, что переносимые в посткоммунистическую культурную среду не характерные для нее ранее институты и дискурсы сталкиваются с существующими в этой среде отнюдь не всегда либеральными представлениями политической элиты. Кроме того, элита неизбежно в той или иной мере учитывает представления населения, которые также далеко не всегда оказываются «западными» и демократическими⁵.

В России столкновение либеральных (западных) идеологических концептов с политической культурой, сложившейся за десятилетия советской власти, происходило значительно более драматично, и привело к куда более существенным изменениям заимствуемых представлений, в том числе о правах человека, чем в странах Восточной Европы.

Проблема исследования, таким образом, состоит в том, чтобы раскрыть, что происходит с либеральными идеологическими концептами при их внедрении в посткоммунистическую культуру, где они сталкиваются с конкурирующими нелиберальными концептами.

В отечественной политической науке есть несколько работ, посвященных изучению использования властью концепта прав человека через дискурсивные практики. К ним относятся работа С. Чугрова, который отмечает роль дискурса прав человека как «политикоформирующего фактора российского поведения на внешней арене»⁶; работа В. Морозова *Human Rights and Foreign Policy Discourse in Today's Russia: Romantic Realism and Securitisation of Identity* (Права человека и внешнеполитический дискурс в современной России: романтический реализм и секьюретизация идентичности)⁷. Последнее исследование близко по теме настоящей диссертации и посвящено изучению позиционирования прав человека в рамках доминирующего внешнеполитического дискурса и взаимодействию данной идеи с другими фундаментальными концептами политического дискурса. Однако исследование В. Морозова фокусируется на дискурсе короткого временного промежутка между 1999 и 2002 гг., формируемого вокруг двух

---

⁵ Морозов В. Россия и другие. Идентичность и границы политического сообщества. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 182.

⁶ Чугров С.В. К вопросу о правах человека в Российской внешней политике // *Мировая экономика и международные отношения*. 2001. №6. С. 3-13.

⁷ Morozov V. Human Rights and Foreign Policy Discourse in Today's Russia: Romantic Realism and Securitisation of Identity // *East European Human Rights Review*. 2002. №8(2), P. 143-198.

политических событий – войны в Чечне и Югославии. В то же время оно носит преимущественно дескриптивный характер и не ставит перед собой задачи раскрыть закономерности процесса трансформации заимствованных концептов.

Для решения поставленной проблемы мы исследуем эволюцию президентской повестки дня по правам человека начиная с 2000 г. по настоящее время. А именно, анализируются характерные для президентских посланий аргументационные схемы (топосы) и изменения репертуара этих схем в контексте происходящих политических процессов.

Долгое время тема аргументации развивалась в сфере логики и философии, но в 80х годах 20 века она вышла за рамки упомянутых дисциплин. Интерес к аргументации проявили филологи, которые сосредоточились на изучении лингвистических средств построения аргументов, так называемых дискурсивных коннекторов⁸. В связи с лингвистическим поворотом, в последние два десятилетия положения теории аргументации стали востребованными и в сфере политического дискурс-анализа. В частности, опираясь на модель аргументации С. Тулмина⁹, М. Кьенпоинтнер (M. Kienpointner) ввел в терминологический оборот дискурс-анализа понятие «топос»¹⁰, которое впоследствии использовали Р. Водак и М. Рейзигл¹¹. Последние в рамках разработанного ими дискурсивно-исторического подхода, предложили метод анализа топосов для деконструкции и анализа стратегии аргументации в политическом дискурсе.

Сегодня существует целый ряд глубоких работ, посвященных теоретико-методологическим основам политического дискурс анализа. К ним относятся, в частности, труды Р. Амосси¹², Р. Водак, М. Мейера¹³, Л. Виттгенштейна¹⁴, Т. ван Дийка¹⁵, М. Лавера,

---

⁸ См. подробнее Moeschler J. *Argumentation and Connectives. How Do Discourse Connectives Constrain Argumentation and Utterance Interpretations // Interdisciplinary Studies in Pragmatics, Culture and Society*. 2016. P. 653-675.

⁹ Подробнее см. Bermejo-Lique, L. *Toulmin's model of argument and the question of relativism // Arguing on the Toulmin Model. New Essays in Argument Analysis and Evaluation*, (eds. D. Hitchcock, B. Verheij). Dordrecht: Springer, 2006. P. 71-87.

¹⁰ Zagar I. Z. *Topoi in Critical Discourse Analysis // Lodz Papers in Pragmatics*. 2010. № 6.1. P. 22.

¹¹ Reisigl M., Wodak R. *The Discourse-Historical Approach // Critical Discourse Analysis: Concepts, History, Theory* (ed. Wodak R.). London: SAGE, 2011. P. 63-93.

¹² Amossy R. *Argumentation and discourse analysis // The discourse studies reader: Main currents in theory and analysis / Eds. E. Angermuller, D. Maingueneau, R. Wodak*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2014. P. 297–305.

¹³ Wodak R., Meyer M. *Critical Discourse Analysis: History, Agenda, Theory and Methodology // Method of Critical Discourse Analysis / ed. by R. Wodak and M. Meyer*. London, SAGE Publications Ltd, 2009. P. 1-33.

¹⁴ Wittgenstein L. *Communication as a Language Game // The Discourse Studies Reader. Main Currents in Etheory and Фanalysis / Ed. by J. Angermuller, D. Maingueneau, R. Wodak*. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2014. P. 49-53.

¹⁵ Dijk T. van *Discourse and Ideology // Discourse Studies. A Multidisciplinary Introduction. Second Edition*. London: Sage, 2011; Dijk T. van *Structures of Discourse and Structures of Power // Communication Yearbook / Ed. J.A. Anderson*. Newbury Park, CA: Sage, 1989. P. 18-59; Dijk T. van *What is Political Discourse Analysis? // Political linguistics / Ed. by J. Blommaert & Ch. Bulcaen*. Amsterdam: Benjamins, 1997. P. 11-52.

К. Бенуа и Дж. Гарри¹⁶, ван Леувена¹⁷, А. Рейеса¹⁸, М. Рейзигла, Р. Водак¹⁹, Н. Фэрклоу²⁰, П. Чилтона²¹, М. Дж. Шапиро²² и др.. Среди отечественных исследователей наиболее значимыми в этой области являются работы М.Ильина²³, М.В.Гавриловой²⁴, О.Ф.Русаковой и Д.А.Максимова²⁵, И.В.Фомина²⁶.

За последнее десятилетие все чаще стали появляться работы, непосредственно посвященные исследованию аргументационных схем (топосов) в политическом дискурсе²⁷, в том числе в отечественной науке²⁸. Например, одной из значимых работ в этой сфере являются исследования М.В. Гавриловой о культурных нормах русской аргументации²⁹.

В большинстве описанных работ аргументация исследуется в рамках определенных жанров президентского дискурса. Но мы полагаем, что данный способ также является перспективным для решения поставленной исследовательской проблемы. Тематический анализ и исследование изменений репертуара топосов в президентской повестке дня позволяет раскрыть основные характеристики процесса эволюции концепта «права человека» в президентской повестке в условиях политического транзита.

---

¹⁶ Laver M., Benoit K., Garry Jh. Extracting Policy Positions from Political Texts Using Words as Data // *The American Political Science Review*. 2003. Vol. 97. №2. P.311-331.

¹⁷ Leeuwen T. van Discourse as the Recontextualization of Social Practice: a guide // *Method of Critical Discourse Analysis* / ed. by R. Wodak and M. Meyer. London: SAGE Publications Ltd, 2009. P. 144-162.

¹⁸ Reyes A. Strategies of Legitimization in Political Discourse: From words to actions // *Discourse and Society*. 2011. №22 (6). P. 781-807.

¹⁹ Reisigl M., Wodak R. *Opt. cit.* 2011.

²⁰ Fairclough N. *Language and Power*. New York: Longman Group UK Ltd., 1989.

²¹ Chilton P. *Analyzing Political Discourse. Theory and Practice*. London and New York: Routledge. Taylor and Francis Group, 2004.

²² Shapiro M.J. *Literary Production as a Politicizing Practice* // *Political Theory*. 1984. Vol. 12. №3. P. 387-422.

²³ Ильин М.В. Политический дискурс как предмет анализа // *Политическая наука: Сб. Научных трудов / РАН. ИНИОН. М., 2002. С. 5-21*; Ильин М.В. Семиотика как основа изучения языка политики и развития дискурс-анализа // *Дискурс-Пи*. 2015. №1-2. С. 43-47; Ильин М.В. Семиотический, морфологический, компаративный методы анализа дискурса в междисциплинарном приложении // *Бизнес. Общество. Власть*. 2015. №22.

²⁴ Гаврилова М.В. Политический дискурс как объект лингвистического анализа // *Полис. Политические исследования*. 2004. №3. С. 67-82.

²⁵ Русакова О.Ф., Максимов Д.А. Политическая дискурсология: предметное поле, теоретические подходы и структурная модель политического дискурса // *Полис. Политические исследования*. 2006. №4. С. 26-43.

²⁶ Фомин И.В. Образ государства как предмет политического дискурс-анализа // *Диссертация ... канд. полит. наук*. Москва, 2014.

²⁷ Boukala S. Rethinking topos in the discourse historical approach: Endoxon seeking and argumentation in Greek media discourses on "Islamist terrorism" // *Discourse studies*. 2016. №18 (3). P. 249-268; Fairclough I., Fairclough N. Practical reasoning in political discourse: The UK government's response to the economic crisis in the 2008 Pre-Budget Report // *Discourse and Society*. 2011. Vol. 22. №3. P. 243-268; Захарова О. В. Идентификация и анализ топосов (аргументационных схем) в политическом дискурсе // *Политическая наука*. 2016. №3. С. 217-235.

²⁸ См., например, Ван Г. Реализация риторической аргументативной стратегии в президентском дискурсе В. В. Путина и Д. А. Медведева в сопоставительном аспекте // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2016. №7. С. 27-34; Пригарина Н.К. Риторический аспект изучения стратегий и тактик аргументативной деятельности // *Известия Волгоградского гос. пед. ун-та*. 2009. №2. С. 165-168.

²⁹ Гаврилова М.В. Лингвокогнитивный анализ русского политического дискурса: дис. ... докт. филол. наук. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2005

Исследовательский вопрос данной работы звучит следующим образом: Какова динамика использования аргументационных схем при формировании президентской повестки дня в ежегодных посланиях Федеральному Собранию РФ?

Цель и задачи исследования.

Цель исследования состоит в выявлении характера динамики аргументационных схем, используемых для конструирования и трансформации президентской повестки дня по правам человека в ежегодных посланиях ФС РФ.

Задачи исследования:

- Изучить выработанные в рамках теории дискурс-анализа подходы и методы к исследованию стратегии аргументации в политическом дискурсе;
- Выработать схему анализа трансформации концепта «права человека» в президентской повестке дня;
- Сформировать систему семантических индикаторов для идентификации аргументационных схем (топосов);
- Выявить характерные для президентской повестки дня по правам человека аргументационные схемы, и изучить динамику их использования (на примере ежегодных посланий президента ФС РФ с 2000 по 2017 гг.);
- Определить основные характерные черты эволюции либерального концепта «права человека» в президентской повестке дня в условиях российского политического транзита.

Обоснование границ исследования.

В настоящей диссертационной работе исследуется динамика изменения аргументационной стратегии в процессе конструирования повестки дня по правам человека в ежегодных посланиях глав государства В.В. Путина и Д.А. Медведева в период с 2000 по 2017 гг.

Указанные временные отрезки совпадают с периодами президентства В. Путина и Д. Медведева (2008 – 2011 гг.). 2000 год – это приход В. Путина к власти в качестве главы государства. Соответственно данный год определяется как начало формирования определенной повестки дня главы государства по правам человека. Конечной точкой был определен 2017 год, завершающий год третьего президентского срока В. Путина.

Временной отрезок между 2000 и 2017 гг. является периодом перехода от демократического транзита к консолидированному авторитаризму³⁰. В современном политическом дискурсе права человека выступают центральным нормативным элементом дебатов о легитимности действий государства и государственности вообще. Поэтому исследование места прав человека в повестке дня главы государства, а также их взаимодействие с другими значимыми национальными идеологическими концептами (великодержавность, самобытность), на протяжении указанного периода трансформаций позволит теоретически осмыслить динамику представлений президента о роли государства, а также взаимоотношений власти и индивида в контексте процесса политического транзита.

Кроме того, восемнадцать лет – это достаточно длительный период, что дает возможность анализа не отдельных текстов, а последовательной, связанной между собой цепочки текстов (*chain of texts*). Это, согласно Р. Водак и Е. Ричардсону, позволяет эффективно отследить процесс реконтекстуализации, то есть «смешивания «новых» и «старых» элементов, таких как определенные слова, выражения, аргументы, топосы, риторические приемы и т.п., а также новые дискурсы и жанры»³¹.

Теоретико-методологическую основу исследования составляет критический дискурс-анализ, а точнее, одно из его направлений – дискурсивно-исторический подход, предложенный Р. Водак (R. Wodak) и М. Рейзиглом (M. Reisigl)³².

В целях минимизации риска оценочности и предвзятости авторы подхода вводят принцип триангуляции, который базируется на концепте «контекста», учитывающего четыре уровня³³.

Понятие дискурса, используемое в настоящей работе, опирается на дефиницию «дискурса» (в английской традиции *language in use*), предложенную Н. Фэрклоу в 1989 г. В книге «Language and Power» («Язык и власть») он подчеркивает тесную взаимосвязь между дискурсом и властью, отмечая, что последняя реализуется через идеологическое использование языка и что, «никто, кого интересуют отношения власти в современном обществе, не может игнорировать язык»³⁴.

---

³⁰ См. подробнее, например, Мельвиль А.Ю. «Кризис демократии» и «зависшие» демократизации // Российская политическая наука: Идеи, концепции, методы / Под общ. ред.: О.В. Гаман-Голутвина. М.: Аспект Пресс, 2015. С. 11-30; Медушевский А.Н. Политический режим постсоветской России: эволюция, структура, тенденции // Социально-политические науки. 2015. № 4. С. 7-13; Нисневич Ю.А., Рябов А.В. Постсоветский авторитаризм // Общественные науки и современность. 2017. №4. С. 84-97.

³¹ Wodak R., Richardson E. European facism in talk and text – Introduction // *Analysing Facist Discourse. European facism in Talk and Text*. New York and London: Routledge, 2013. P. 8.

³² Reisigl M., Wodak R. Op. cit. P. 65.

³³ Ibid.

³⁴ Fairclough N. Op. cit. P. 3.

Методология анализа аргументационных схем опирается на модель аргументации С. Тулмина, согласно которой каждый аргумент имеет в своей структуре несколько элементов: утверждение (claim), основание данного вывода (data, ground) и общее умозаключение (warrant), которое устанавливает связь между основанием и утверждением. Последнее – некое общее, широкоразделяемое умозаключение, является топосом³⁵.

Описанная модель Тулмина, в сущности, представляет собой пошаговую инструкцию по выявлению топосов. Сначала необходимо выделить основное утверждение спикера, а затем посредством формулирования соответствующих вопросов идентифицировать все части аргументации. В ходе данного процесса и определяются топос и его вид.

Достоинства этой схемы состоят в том, что она позволяет не только выявить структуру аргументации, но и определить силу топоса и опровержения (контраргумента), и таким образом, спрогнозировать эффективность построенной на основе этого топоса аргументации³⁶. Однако при этом остается открытым вопрос о том, как методологически идентифицировать аргументационный вывод и таким образом выявить признаки использования стратегии аргументации в исследуемом тексте. Для решения этой задачи, на наш взгляд, наиболее перспективным является прагматико-диалектический подход Ф. Х. ван Еемерена, П. Хоутлоссера и А.Ф.С. Хенкеманса, который предлагает при анализе аргументационного дискурса опираться на семантические индикаторы аргументации³⁷.

Методы.

Основным методом эмпирического исследования является метод анализа дискурсивных стратегий Р. Водак (R. Wodak) и М. Рейзигла (M. Reisigle). Исследование направлено на выявление доминирующих интерпретаций ключевых категорий концепции прав человека и аргументационных схем, используемых спикерами для закрепления и продвижения предлагаемых смыслов.

В целом алгоритм исследования построен следующим образом.

- I. Анализ репрезентации прав человека в ежегодных посланиях президента РФ.

---

³⁵ Сам С. Тулмин термин «топос» не использовал, он называл его warrant. Как отмечалось выше, впоследствии М. Кьенпоинтнер стал называть эту часть аргумента топосом.

³⁶ Eemeren van. F.H., Houtlosser P., Henkemans A. F. S. Opt. cit. P. 3.

³⁷ Ibid.

- Выявление и анализ тем, поднимаемых при конструировании повестки дня по правам человека (включает в себя кодирование³⁸, разработку книги кодов и схему их идентификации).
- Анализ лексического выбора спикера (слова, использованные для репрезентации ключевых категорий – права человека, свобода, отношения государства и индивида).
- Анализ фрейма репрезентации прав человека, то есть структуры для представления данной категории, организованной на основе определенного концепта (например, свободы, демократии, суверенитета, угрозы и т.п.);

II. Анализ аргументационных схем (топосов), используемых спикером при конструировании повестки дня по правам человека.

- Создание системы семантических индикаторов аргументации для различных типов топосов (адаптированных для русского языка);
- Идентификация различных видов топосов в анализируемых текстах, их кодирование³⁹, систематизация и описание;
- Конструирование для каждого периода президентства характерного репертуара топосов и их сравнительный анализ;
- Анализ динамики изменения различных типов аргументационных схем на протяжении периодов с 2000 по 2017 гг. и анализ взаимосвязи различных топосов между собой;
- Установление контекстных связей между различными типами топосов и темами анализируемых текстов;
- Установление дискурсивных функций различных типов топосов.

Принципы отбора источников данных

Эмпирическую базу исследования составили ежегодные послания президента РФ В.В. Путина и Д.А. Медведева Федеральному Собранию РФ в периоды с 2000 по 2017 гг. Всего было проанализировано 18 текстов. В качестве источника данных был использован официальный сайт Президента РФ www.kremlin.ru.

Подобный подход довольно популярен в политической науке и не раз использовался в исследовательских работах⁴⁰. Послания президента являются одним из важнейших документов, носящих программный характер и определяющих основные

³⁸ Кодирование осуществлялось с помощью программы MAXQDA 2018.

³⁹ Кодирование топосов (аргументационных схем) осуществлялось с помощью программы MAXQDA 2018.

⁴⁰ См., например, Buret T. *Opt. cit.* P. 74; Cohen J. *Presidential Rhetoric and the Public Agenda // American Journal of Political Science.* 1995. Vol. 39. P. 87-107 etc.

направления внутренней и внешней политики, и, фактически, содержат руководство к действию для всех остальных органов государственной власти всех уровней. Таким образом, представленность или не-представленность в них темы прав человека имеет существенное значение для анализа места последних в политическом дискурсе, включая значимости этой темы в повестке главы государства в сравнении с другими политическими вопросами.

Кроме того, как отмечает О.Ю. Малинова, каждый год послания затрагивают приблизительно один и тот же круг вопросов, что делает их удобными для проведения сравнительного анализа, и дает возможность проследить трансформацию подхода главы государства к использованию стратегии аргументации⁴¹.

Научный вклад исследования в развитие предметного поля состоит в том, что на основе метода анализа дискурсивных стратегий Р. Водак и М. Рейзигла разработана схема анализа конструирования и трансформации аргументационной стратегии в политическом дискурсе в контексте политического транзита. Помимо этого, осуществлена адаптация системы семантических индикаторов аргументации, разработанная в рамках теории Ф.Х. ван Еемерена, П. Хоутлоссера и А.Ф.С. Хенкеманса, для русскоязычных политических текстов.

Предлагаемая методология может применяться научно-исследовательскими и экспертными организациями для анализа особенностей и динамики использования аргументационных схем (топосов) политическими акторами с учетом политико-исторического контекста. Такой подход является перспективным для прогнозирования эффективности выбранной стратегии аргументации.

Следует также отметить, что большинство исследований российского транзита посвящены изучению структурных изменений, тогда как дискурсивным аспектам, которые не менее важны, уделено недостаточно внимания. В данной работе делается попытка частично заполнить этот пробел.

А сконструированная модель анализа может быть использована не только для изучения переходных процессов в России, но и в других политических транзитах.

Помимо этого, результаты настоящего исследования дают материал для выявления стратегий и техник, посредством которых идеологические концепты закрепляются, воспроизводятся и трансформируются в политическом дискурсе в условиях социально-политических изменений.

---

⁴¹ Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. / О.Ю. Малинова. М.: Политическая энциклопедия, 2015. С. 130-131.

Положения, выносимые на защиту.

1. Дискурсивно-исторический подход Р. Водак и М. Рейзигла может быть использован в качестве одного из инструментов анализа политического транзита.
2. Лонгитюдное исследование формирования повестки по правам человека в ежегодных посланиях президентов РФ В. Путина и Д. Медведева Федеральному Собранию РФ в 2000-2017 гг. позволяет выявить в них два типа аргументационных моделей. Первый тип присутствует в посланиях 2000-2014 гг., второй – в посланиях 2015 -2017 гг.
3. Для посланий 2000-2014 гг. характерно использование идеологических концептов «права человека» и «демократия», и тесное пересечение темы «права человека» с идеей «сильного государства». Хотя в посланиях Д. Медведева концепт «сильное государство» интерпретировался несколько иначе, чем в посланиях В. Путина, основная идея связи сильного государства и прав человека сохранялись. При этом концепция «сильного государства» в определенной степени вступала в конкуренцию с интерпретацией прав человека, предлагавшейся либералами 1990-х и подразумевавшей определенную степень подконтрольности государства международным структурам. Между тем, пафос суверенности государства, которым проникнуты большая часть посланий данного периода, отторгает возможность влияния внешних структур на внутривнутриполитические государственные решения. Преодолеть этот конфликт позволила концепция «сильного государства» как необходимого условия реализации прав человека.

В этой концепции:

- способность гарантировать права человека трактовалась в качестве одной из основных характеристик сильного (а, возможно, и великого) государства,
  - и одновременно подчеркивалось, что права человека не должны препятствовать построению сильного суверенного государства, не допускающего внешнего контроля над собой.
4. Ухудшение отношений между Россией и Западом после Крымского кризиса 2014 г. привело к вытеснению из текстов посланий концептов «права человека» и «демократия». В посланиях 2015-2017 гг. практически перестали использоваться топоры прав человека и демократии (процедурной демократии). Вместо них появляются топоры ответственности и гуманизма. Топор гуманизма выполняет практически те же функции, что и топор прав человека, но без использования правозащитной лексики.

А топос ответственности в сочетании с топосом единства успешно заменяет топос демократии и позволяет обосновать политические решения без легитимирования их ссылкой на волю народа или демократические процедуры.

Такая же модель аргументационной стратегии наблюдается в посланиях Д. Медведева после конфликта в Южной Осетии: отказ от использования концептов «права человека» и «демократия» и включение в репертуар аргументационных схем топосов ответственности, гуманизма и единства.

5. Анализ трансформации дискурсивных моделей аргументации обладает не только дискриптивным, но и прогностическим потенциалом. Смена аргументационной стратегии позволяет описать характер политических изменений.

Список публикаций

Публикации в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных НИУ ВШЭ:

1. Захарова О.В. Официальный дискурс прав человека в посткоммунистической России: от либерализма к патернализму // *Общественные науки и современность*. 2016. № 2. С. 82-93.
2. Захарова О.В. Идентификация и анализ топосов (аргументационных схем) в политическом дискурсе // *Политическая наука*. 2016. № 3. С. 217-235.
3. Захарова О.В. Стратегии репрезентации категории «консолидация» в конъюнктивном дискурсе российского президента (2000-2015) // *Вестник института социологии*. 2016. № 2(17). С. 29-45.

Работы, опубликованные автором в других изданиях:

4. Захарова О.В. Дискурсивный язык прав человека и российско-европейские отношения // *Полис. Политические исследования*. 2013. № 4. С. 100-110.
5. Захарова О.В. Конъюнктивный дискурс либерально-демократической партии России (2000-2014) // *Сб. Консолидация российского общества: организационные, образовательные и социокультурные ресурсы Всероссийской научной конференции*. Иркутск: ИГУ. 2015. С. 161-167.
6. Кармадонов О.А., Егорова Н.В., Захарова О.В. Власть и консенсус: дискурсивно-символический анализ конъюнктивной роли российской элиты // *Иркутск: ИГУ*, 2015. С. 118-183.
7. Захарова О.В. Концепция свободы как естественного права человека в политической философии И. Канта / *Сб. докладов на конф.* Иркутск: ИГУ, 2014. С. 15-17.

8. Кармадонов О.А., Баев П.А., Захарова О.В., Полюшкевич О.А. Символ и трансформация: социальные смыслы российского общества эпохи перемен (1984-2011 гг.) // Иркутск: ИГУ, 2012. С. 57-111, 276-319.
9. Захарова О.В. Дискурсивная трансформация категории «демократия» в отечественном социуме // Социально-гуманитарные знания. 2010. № 2. С. 326-333.

Апробация результатов исследования.

Результаты исследования освещались в докладах на следующих конференциях и научных семинарах:

XXV Международный симпозиум «Пути России. Границы политики», 30-31 марта 2018 г., г. Москва, Московская высшая школа социальных и экономических наук, Россия. Секция «Политика границ». Тема доклада: Конструирование границы между «Я» и «Другим» в дискурсе российской властвующей элиты».

Международный форум Фонда Г. Бьоля «Новые дискуссии между Россией и ЕС», 19 мая 2017 г., г. Берлин, Германия. Тема доклада: The Transformation of Institutions and the Political Discourse on Human Rights in Post-Soviet Russia, its Impact on EU-Russia Relations (Трансформация институтов и политический дискурс прав человека в пост-советской России, его влияние на российско-европейские отношения).

Итоговая конференция в рамках совместного научного проекта между Институтом Восточно-европейских исследований Университета г. Бремена (Германия) и НИУ «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), 25-27 мая 2016 г. Тема доклада: Human Rights Discourse in Hybrid Regimes: analyzing strategies of marginalization (Дискурс прав человека в гибридных режимах: анализ стратегий маргинализации).

Научный семинар в Институте Восточно-европейских исследований Университета Г. Бремен, Германия, июнь 2015. Представление доклада на тему: Transformation of official human rights discourse in Post-Soviet Russia (Трансформация официального дискурса прав человека в пост-советской России).

Ежегодная конференция британской Ассоциации Славянских и Восточно-Европейских исследований, Кембридж, Великобритания, Март 2015. Доклад: Shaping politics through language: analyzing human rights debates between Russia and the EU («Формируя политику через язык: анализ дебатов по правам человека между Россией и ЕС»).

Международный конгресс ISA/RCSL “Социология права и политические действия”, Тулуза, Франция, Сентябрь 2013. Секция: Социология прав человека. Доклад: Russia requires different human rights approach”.

Научный семинар в Институте гуманитарных наук (The Institute for Human Sciences) в рамках серии семинаров «Лица Восточной Европы», апрель, 2013. Тема семинара: «The debate over human rights between Russia and the European Union: "legal language" vs. the "language of morality» (Дебаты по правам человека между Россией и Европейским Союзом: «язык права» против «языка морали»).

Помимо этого, методология диссертационного исследования была использована при работе в исследовательском проекте «Социальная консолидация современного российского общества: системы, ресурсы и перспективы», 2014-2016 (Госзадание Минобрнауки РФ № 28.64.2014/К. Руководитель проекта: проф. Кармадонов О.А.).

Сжатое изложение основного содержания исследования

В первой главе **«Теоретико-методологические основы исследования аргументационных схем (топосов) в политическом дискурсе»** проводится обзор литературы, посвященной изучению методологической основы исследования политического дискурса и аргументационной стратегии.

В первом параграфе *«Политический дискурс-анализ: теоретико-методологические основы»* описываются методологические основы эмпирического исследования, разграничиваются понятия дискурса и политического дискурса. Дискурс в настоящей работе понимается в соответствии с теорией Н. Фэрклоу⁴².

В параграфах 1.2 и 1.3 операционализируются основные понятия настоящего исследования - президентская повестка дня и права человека.

В современном глобальном политическом дискурсе права человека выступают одним из центральных нормативных элементов дебатов о легитимности действий государства и государственности вообще. Исследование места прав человека в повестке дня главы государства, а также их взаимодействие с другими значимыми национальными идеологическими концептами (великодержавность, самобытность), позволяет теоретически осмыслить динамику представлений президента о роли государства, а также о взаимоотношениях власти и индивида в контексте постсоветского транзита. В связи с этим в настоящей работе мы сосредоточили внимание не на всей президентской повестке дня, а лишь на одном ее направлении – правах человека.

В настоящей работе права человека рассматриваются как элемент политической повестки дня. Учитывая конструктивистский характер повестки дня, важно и права человека определять с учетом конструктивистской парадигмы.

---

⁴² Fairclough N. Opt. cit. P. 24.

Исходя из этого при определении прав человека в настоящей работе мы руководствуемся коммуникативным подходом Ю. Хабермаса⁴³. Права человека мы рассматриваем как правомочия, обеспечивающие политическое участие индивидов в организованном политическом сообществе, создающие условия для взаимосвязи между населением и властью, что в совокупности обеспечивает легитимность политической системы. Такое понимание данного концепта позволяет уйти от проблемного деления прав человека на политические и социально-экономические, и тем самым снять конфликт между «западным» и «незападным» прочтением прав человека. И, помимо этого, позволяет более адекватно раскрыть характер взаимоотношений между государством и правами человека.

В параграфе 1.4 «Анализ аргументационных схем (топосов): дискурсивно-исторический подход» описываются основы дискурсивно-исторического подхода Р. Водак и М. Рейзигла, предусматривающего анализ различных дискурсивных стратегий⁴⁴.

На его базе формулируется методология диссертационного исследования, в котором в качестве основного метода используется анализ аргументационных схем (топосов). В параграфе формулируется понятие топоса, выделяются его основные характеристики и определяется его роль как инструмента политического дискурс-анализа.

Глава вторая «**Права человека в президентском дискурсе постсоветской России (1990-2017 гг.): историко-политический контекст**» содержит краткий обзор историко-политических предпосылок формирования текущего политического дискурса прав человека.

В параграфе 2.1 «Права человека в президентском дискурсе в ельцинский период (1990-1999)» анализируется становление иного, отличного от позднесоветского, политического дискурса прав человека. Данный процесс рассматривается в контексте структурных изменений политического транзита постсоветской России 1990-1999 гг.

В целом, в 1990-е годы президентская повестка о правах человека формировалась в рамках социального либерализма. Однако к концу 1990-х в российском политическом дискурсе стал наблюдаться рост внимания к проблеме сильного государства как гаранта прав человека, что и сказалось на последующей дискурсивной репрезентации концепта прав человека.

В параграфе 2.2 «Тенденции развития президентской повестки дня по правам человека в 2000-е гг.» дается обзор институциональных изменений в сфере прав человека

---

⁴³ Habermas J. Remarks on legitimation through human rights // Philosophy and Social Criticism. 1998. Vol. 24. №2/3. P. 157-171.

⁴⁴ Reisiigl M., Wodak R. Opt. cit. P. 67.

и раскрываются общие условия формирования президентской повестки дня по правам человека на протяжении периода с 2000 по 2017 гг.

В главе третьей **«Анализ аргументационных схем (топосов) президентской повестки дня по правам человека в ежегодных посланиях ФС РФ»** представлены результаты эмпирического исследования, в рамках которого апробируется метод дискурсивно-исторического анализа аргументационной стратегии в политическом дискурсе на примере повестки дня по правам человека в посланиях главы государства.

В параграфе 3.1. *«Обоснование границ исследования»* определяются временные рамки исследования и формулируются принципы отбора материала для анализа.

В параграфе 3.2 *«Тематический анализ повестки дня по правам человека в ежегодных посланиях главы государства»* представлены результаты анализа тем, поднимаемых в рамках формирования повестки дня по правам человека.

Проведенный анализ показал, что тема прав человека появляется в президентских посланиях почти каждый год (за исключением 2015 и 2017 гг.), однако частота обращения к ней разнится. Очевидно, что в наибольшей степени эта тема включалась в президентскую повестку дня, в период с 2000 по 2005 гг. Начиная с 2006 г. права человека появляются в текстах посланий значительно реже, так же как и тема демократии. Упоминания демократии либо единичные, либо совсем не появляются – в 2013, 2014 и 2015 гг. Но при этом, когда снижается частота обращения к правам человека и демократии, повышается частота внимания к темам свободы и гражданского общества.

Интересно сопоставление тем/кодов «права человека» и «гражданское общество/гражданственность». Если частота появления темы «права человека» после 2005 г. стала снижаться, то обращение к теме гражданского общества, напротив, выросло. В период с 2000 по 2004 г. код «гражданское общество» был обнаружен в каждом послании, но теме этой уделялось мало внимания. А вот в 2005 г. и начиная с 2012 г. происходит заметный рост частоты появления данной темы внутри каждого послания. Это свидетельствует о том, что для президента представление о гражданском обществе не связано непосредственно с реализацией прав человека.

Характерным для президентской повестки по правам человека является также представление «прав человека» и «сильного государства» переплетающимися категориями, невозможными одно без другого. С одной стороны, по сути, подчеркивается, что права человека не должны препятствовать построению сильного государства, что подразумевало отсутствие контроля извне. С другой стороны, права человека обозначались одной из основных его составляющих. Более того, способность государства

обеспечивать и гарантировать права человека в начале 2000-х гг. включалась в создание образа величия.

Однако после 2012 г. сильное государство выступает уже не условием, необходимым для реализации прав человека, а центральным идеологическим концептом, по отношению к которому права человека оказываются производным принципом, подлежащим реализации в случае неконфликтности с интересами государства.

В параграфе 3.3. *«Анализ аргументационных схем (топосов) президентской повестки дня по правам человека в ежегодных посланиях»* на основе разработанных критериев и методологии анализа аргументационных схем идентифицируются наиболее частотные топосы, используемые президентом в ежегодных посланиях ФС РФ при формировании повестки дня по правам человека. А также анализируется, как с помощью топосов трансформируется содержание заимствованного концепта «права человека» в соответствии с текущими политическими целями.

Сравнительный анализ посланий по президентским срокам показал, что репертуар топосов в посланиях В. Путина в течение третьего президентского срока шире, чем в предыдущие первые два, и используются они более активно, то есть с большей частотой внутри каждого послания. Например, топос единства хоть и применялся президентом до 2012 г., но нерегулярно, и крайне редко. Тогда как с 2012 г. он появляется в каждом из президентских посланий и неоднократно. Для третьего срока характерно также появление в анализируемых фрагментах топоса ответственности, который до 2012 г. не был представлен в повестке В. Путина о правах человека; а также топоса авторитета. Последний, однако, появился в репертуаре В. Путина еще с 2005 г.

Топос демократичности (процедурной демократии) чаще всего использовался в посланиях второго президентского срока (с 2004 по 2007 гг.). Он встречается в каждом из документов этого периода. В первый президентский срок этот топос активно использовался президентом Путиным лишь в 2000 г. и единожды в послании 2003 г.

В течение третьего президентского срока использование топоса демократичности постепенно сходит на нет. Активно он используется лишь в послании 2012 г., и в значительно меньшей степени в посланиях 2013 г. В посланиях других лет он не встречается.

Снижение частоты использования топоса демократичности в период с 2012 по 2017 гг. коррелирует с возрастанием частоты использования топосов ответственности и единства, которые в совокупности заменили его. При этом наблюдается частичное замещение топоса демократии топосом народного одобрения. В этот же период (2012-2017 гг.) из репертуара главы государства В. Путина исчезает топос прав человека.

Вместе с тем в период с 2012 по 2017 гг. наблюдается введение в репертуар главы государства топоса гуманизма (гуманистической миссии), который до 2012 г. применялся лишь единожды, в Послании 2001 г.

Учитывая, что именно на третий президентский срок В. Путина приходится усиление конфликта между Россией и Западом, логично предположить, что исчезновение топосов демократичности и прав человека было продиктовано желанием отказаться от «прозападных» концептов. Вместо них применялись топос ответственности и топос гуманизма (гуманистической миссии).

Репертуар топосов Д. Медведева несколько схож с репертуаром В. Путина, но с некоторыми отличиями. Для В. Путина практически не характерен топос законности/конституционности, тогда как Д. Медведев использует его довольно часто. Топос угроз, являющийся одним из самых частотных топосов в репертуаре В. Путина, почти не появляется в посланиях Д. Медведева (лишь единожды в послании 2008 г.). Как общую тенденцию в посланиях обоих президентов можно отметить заметное снижение частоты использования топоса демократичности. Топос «прав человека» вообще не входит в репертуар топосов Д. Медведева.

Полученные результаты позволяют сделать следующий вывод. При переносе либеральных концептов, таких как «права человека», «демократия», «индивидуальная свобода», в нелиберальную политическую культуры, они вступают в конкуренцию с другими, более характерными для последней идеологическими концептами. В результате такого взаимодействия заимствованные либеральные концепты претерпевают изменения и по своему содержанию существенно отличаются от своей первоначальной, либеральной версии. Изменить содержание концепта при сохранении либерального терминологического словаря позволяет определенный набор аргументационных схем: топос ответственности в сочетании с топосами единства и топосом угроз.